

1987

Из событий 1987 года я выделяю самое значимое для Беларуси (тогда ее называли Белоруссией) – рождение Зенона Позняка как политика. До того он был известен в узком кругу, как тогда официально выражались, «националистически настроенной интеллигенции». 1987-1988 годы принесли ему широчайшую известность в Беларуси и далеко за ее пределами.

Декабрь 1987. Вальный сойм

Кончался 1987 год. Если верить речам М.Горбачева, где-то шла перестройка. В Белоруссии же стояла тишина, охраняемая прессой. Программа по Чернобылю «успешно» выполнялась. Изредка в газете появлялось письмо читателя, возмущившегося экстремистской выходкой только что родившегося молодежного объединения «Талака». В технологическом институте студенты требовали преподавать предметы на белорусском языке. В Доме литератора начинающие поэты, с вызовом назвавшие себя «Тутэйшымі», стали устраивать сходки, встревожив классиков, партию, комсомол, КГБ. В общем, молодежь нарушала тишину, и решено было эту молодежь направить на путь истинный.

Чтобы акция внешне выглядела привлекательной, ее позволили назвать древне-романтически: Вальный Сойм. ЦК комсомола республики собрал представителей неформальных молодежных объединений и вывез автобусами на какую-то турбазу под Минском. Говорили, что было человек 500. Плюс полсотни консультантов. Я присутствовал там в качестве журналиста и поразился обилию солидных мужчин с портфелями и папками. Это и были консультанты. ЦК партии поставил конкретную цель: просветить молодежь по всем вопросам истории, экономики, культуры, политики. Вправить мозги – и отпустить домой. Глядишь, перестанут бузить.

В крохотный зальчик турбазы все прибывшие (колонной автобусов, снятых с городских маршрутов) не влезли. Зальчик не отапливался. Сидели в пальто, сбившись в ком. Плотно стояли у стен, в проходах. Пахло молодым снегом и мокрой одеждой. Консультанты по привычке сели в президиум, но оттуда кто-то их прогнал, сказав, что это встреча молодежи. Некоторые консультанты оскорбились и ушли, некоторые, наиболее дисциплинированные

и ответственные перед партией, сели в зале, где им из уважения к возрасту уступили место. Первому слово предоставили писателю Нилу Гилевичу, но его в зале не оказалось. Не прибыл. Организаторы, было заметно, растерялись. Однако в зале раздались молодые возгласы: «Позняк!.. Зенон!.. Пусть выступит Позняк!»

На сцену с трудом протиснулся высокий худой человек в сером костюме. Я подумал: зачем он разделся, ведь замерзнет. Бросилось в глаза, что его костюм был не современного кроя, не вписывался в гамму ярких курток и потертых джинсов, забивших зал и сцену. Он был молод, но лыс. Держался не с робостью новичка. Не жестикулировал. Руки сцепил в замок перед собой. Говорил на настоящем белорусском языке, мягком, естественном, красивом. Долго говорил, не менее часа. Зал слушал его со вниманием, но минут через двадцать стал шептаться. Зал начал уставать, оратор этого не видел. Значит, оратор не чувствовал аудитории, был неопытен.

О чем говорил Зенон Позняк на Вальном Сойме в конце 1987 года? Главным образом -- о необходимости национального возрождения. Трагические картинки современности перемежались в его речи с историческими аналогами. Говорил, что родной язык -- основа национального самосознания. Генофонду белорусской нации, говорил, угрожает катастрофа. Лучших из лучших сгноили в сталинских лагерях убили на войне. Утеряны, таким образом, самые ценные гены, самые перспективные качества белорусского народа. Потому и спит народ, не откликаясь на перестройку. Потому слеп.

Такова, без деталей, была логика его выступления. У меня она вызвала протест. Эмоционально он был прав, аудитория впитывала, заряжалась его эмоциями, что свидетельствовало: он мог вести за собой. Немаловажное качество для политика. Но он был, мягко говоря не точен в главном -- в своем истолковании генной инженерии человека. К счастью, природа не реагирует на социальные катаклизмы, свойственные лишь ее маленькой частичке под названием «человечество», -- именно, к великому счастью. Спасение в том, что природа не знает политики, следовательно, политика не может воздействовать на генную инженерию человека как тело природы. И если уж говорить всерьез о генной катастрофе, то нужно приводить факты иного ряда: отравление

природы ядовитыми отходами, разрушение устойчивых экосистем, воздействие радиации... Далее можно обратиться к политике и выяснить, какая из политических систем делает допустимыми подобные факты в большей или меньшей степени.

Не мерзнувший оратор был ненаучен. Его логика, в моем представлении, не выдерживала критики с точки зрения философии, биологии. (Кстати, теории геной катастрофы как конечного результата советского социализма придерживается не один Позняк.) Передо мной был политик, который позволял себе выстраивать в единую цепь не однорядные факты. Из снежного пара получать железобетон, из железобетона -- куриное яйцо, из последнего извлекать результат в виде политического омлета и пичкать им аудиторию, разинувшую рты. Политические фокусы! Укажите, кто из политиков не был фокусником!

Молодежная аудитория, способная на мгновенную логическую реакцию, самолюбивая, стерпела оскорбления Позняка в свой адрес. Согласно его логике, в зале сидели последыши геного расстройства. Да и сам оратор, который был старше их лет на десять-пятнадцать, -- не из того же материала? Существенно подпорченного?

Молодежь не возмутилась, либо не заметив оскорблений, либо поверив оратору на слово. Молодые неформалы подчинились эмоциональной доктрине Позняка. Коль вышло так (а я -- свидетель, что вышло), то этот молодой человек уже стал ловким фокусником? Уже научился добиваться праведных целей неправедными средствами? В таком случае -- нравственна ли цель?

Первая моя встреча с Зеноном Позняком породила во мне тревожные вопросы.

Что касается итогов Вального Сойма, то формальные консультанты не могли повлиять на политические взгляды неформалов. Вечером молодежь устроила грандиозные танцы.